

ПРИЧИНЫ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ГЕНЕРАТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Буниятова И.Р.,

Киевский университет имени Бориса Гринченко

В статье рассматриваются генеративные основы исследования языковых изменений. Представлены ключевые положения влиятельной теории Дэвида Лайтфута для лучшего понимания путей развития языковых систем и формирования языковой компетенции у детей, которая происходит с опорой на их интуитивные языковые фокусы. Этот подход предполагает разграничение «внешнего языка» (язык внешнего мира) и «внутреннего языка» (индивидуальный язык индивида, представленный в его мозгу). Взаимодействие между этими языками является важным фактором, способствующим развитию языковых систем.

Ключевые слова: языковые изменения, интериоризованный язык (I-язык), экстериоризованный язык (Э-язык), универсальная грамматика (УГ), первичные языковые данные, вторичные языковые данные, радикальная реинтерпретация.

У статті висвітлено генеративні засади дослідження мовних змін. Представлено ключові положення найвпливовішої теорії Девіда Лайтфута для кращого розуміння шляхів розвитку мовних систем і формування мовної компетенції у дітей, що відбувається з опорою на їхні інтуїтивні мовні фокуси. Цей підхід передбачає розмежування «зовнішньої мови» (мова зовнішнього світу) і «внутрішньої мови» (індивідуальна мова індивіда, представлена в його мозку). Взаємодія між цими двома мовами є важливим чинником, що сприяє розвитку мовних систем.

Ключові слова: мовні зміни, інтеріоризована мова (I-мова), екстеріоризована мова (E-мова), універсальна граматика (УГ), первинні мовні дані, вторинні мовні дані, радикальна реінтерпретація.

The article deals with the generative framework for the investigation of linguistic change. The key points of David Lighfoot's influential theory are presented to move closer to the understanding of how languages evolve and how they emerge in children, who are regarded as "cue-based" learners. The viewpoint under consideration suggests an important distinction between "external language" (language as it exists in the world) and "internal language" (language as represented in individual's mind). The interplay between the two appears to be a crucial factor contributing to the development of languages.

Key words: language change, internal language (I-language), external language (E-language), Universal Grammar (UG), primary linguistic data, secondary linguistic data, radical reanalysis.

Изучение механизмов, обеспечивающих развитие языковых систем, насчитывает не одну сотню лет. Заметный прорыв в этой области совершили младограмматики, предложившие лингвистическому сообществу ряд принципов, без которых в настоящее время не обходится ни одна разработка в области исторического языкознания. Безусловный учет действия звуковых законов, а также принципа аналогии, постулирующего появление изменений в словах или грамматических формах под влиянием других слов или форм, включены в обязательный набор объяснительных процедур современного лингвиста безотносительно его/ее теоретических предпочтений.

Признавая принцип аналогии одним из движущих механизмов изменений в языке, разработчики основных ролевых моделей в теоретическом языкознании XX — начала XXI вв., тем не менее, обращают внимание на ущербность концепции младограмматиков. Согласно Д. Лайтфуту, одному из ярких представителей генеративной лингвистики,

последние не смогли экстраполировать свои идеи фонетических изменений в плоскость других языковых подсистем, поскольку работали с готовыми языковыми продуктами, вместо того чтобы сосредоточить свое внимание на внутренних, глубоких процессах и абстрактных системах. [6, с. 36–37; 4, с. 14]. Из этого следует, что концепция младограмматиков, предполагающая однонаправленность языковых изменений и исключаящая фактор случайности в движении языковых систем, оказывается нерелевантной для объяснения процессов, связанных с изменениями в грамматике того или иного языка.

В генеративной лингвистике конца XX — начала XXI вв. утвердилась своя, отличная от всех доньше существовавших, теория языковых изменений, непосредственно связанная с их синтаксическим учением. В рамках этого учения внимание исследователя в первую очередь привлекают структуры, недоступные непосредственному наблюдению, а синтаксический процесс воспринимается как результат комбинаторики

определенного набора исходных (ядерных) структур [2; 7, 9; 5; 3].

Целью настоящей статьи является освещение базовых положений генеративной теории языковых изменений, представляющие интерес для лингвистов, исследовательские задачи которых включают поиск ответов на актуальные вопросы современного лингвистического процесса. Это предполагает не только вскрытие причин эволюционных сдвигов в языке, но и вопросы более широкого содержания, в том числе объяснение природы языка, его становления и развития, формирования языковой компетенции у детей и взрослых и других не менее важных вопросов теоретического языкознания.

Напомним, что согласно генеративной теории грамматика является биологически врожденным свойством мозга индивида, которая характеризует его языковую компетенцию и взаимодействует с другими когнитивными компонентами [2, с. 9; 10, с. 119]. Принцип «методологического индивидуализма» позволяет говорить о совокупности интериоризованных грамматик, которые существуют «внутри человека», варьируются от индивида к индивиду и могут изменяться от поколения к поколению [6, с. 44, 49].

Теория Д. Лайтфута, о которой далее пойдет речь, оригинальна, прежде всего, своим процедурным аппаратом, включающим понятия «интериоризованный язык (И-язык)» и «экстериоризованный язык (Э-язык)», то есть язык определенной социальной (этнической) группы. Под первым из понятий автор подразумевает грамматику индивида или его внутренний язык, генетически встроенный в его мозг и представляющий некую систему. Под вторым — аморфный и несистемный по своей природе язык внешнего мира, языковая информация, получаемая ребенком из окружающей среды [6; 9]. Э-язык также рассматривается как групповой феномен, как некий конструкт, включающий грамматики всех носителей языка данной группы (сообщества), использование этих грамматик в речи.

Итак, концептуально определяющей является дефиниция грамматики, постулируемой в качестве системы: совокупности формальных (структурных) характеристик языковой способности индивида, соответствующих принципам универсальной грамматики (УГ), состоящих из ее элементов и развивающихся по мере наращивания человеком его языкового опыта. Общим для генеративного учения является понимание грамматики как ментального или языкового органа, физически существующего в мозгу и секретируемого мозгом в Дарвиновском понимании последнего термина [9, с. 10]. Грамматика представляет собой корпус первичных и вторичных языковых данных. Первые (англ. PLD) можно рассматривать как инициальный пусковой опыт

(запускающий процесс формирования языковой компетенции), который способствует созреванию языкового генотипа (УГ) и превращению его в языковой фенотип или сформированную грамматику индивида. Проиллюстрируем этот тезис:

- I. первичные языковые данные (УГ → грамматика);
- II. первичный пусковой опыт (генотип → фенотип).

Положение генеративной лингвистики о формировании грамматики в результате взаимодействия генетической и социальной составляющей предполагает необходимость их размежевания в процессе изучения исторических изменений в языке. С одной стороны, перед лингвистом стоит задача найти то общее, что принадлежит всем носителям данного языка, с другой, — приобретенное конкретным индивидом в его непосредственной языковой среде. В этом случае исследователь в значительной степени полагается на факты коллег, разрабатывающих проблему нейрофизиологических оснований языковой способности человека, и тем, как они соотносятся с обобщениями, полученными в результате изучения языковой способности человека, формирования его грамматической компетенции.

Как утверждают лингвисты, работающие в области развития языковых систем, внутренние, И-грамматики, формируются в течение первых трех-пяти лет жизни ребенка. Этот процесс завершается по достижении пубертатного периода в результате взаимодействия генетически врожденной способности, одинаково свойственной всем индивидам, и опыта, приобретаемого вследствие изменений, вносимых окружающей средой в первичные языковые данные. Из этого следует, что Э-язык оказывает непосредственное влияние на формирование И-языков. Примечательно, что в случае существенных изменений в языковом опыте, поступающем из окружающей среды, люди конструируют новую грамматику. Это происходит тогда, когда накопленный объем фонологических, морфологических и синтаксических изменений вызывает такой уровень сложности поверхностных форм высказываний, что ментальные грамматики, которые в целом проявляют значительную степень сходства с грамматиками предыдущего поколения, усложняются еще больше, то есть содержат большее количество правил, исключений и т.д. На определенном этапе попытка создать традиционную модель грамматики в условиях существования данных (грамматических явлений), которые значительно отличаются от тех, что использовались их предшественниками, оказывается невозможной. В результате новое поколение конструирует радикально иной тип ментальной грамматики, согласуемый с новыми данными. Такой разрыв непрерывности в ментальных грамматиках следующих поколений называют

реструктуризацией или радикальной реинтерпретацией (англ. reanalysis) [6, с. 109].

Следует также иметь в виду, что И-язык ребенка по своему креативному потенциалу превосходит Э-язык среды, в которой формируется его компетенция. Рассмотрим это с точки зрения теории усвоения языка:

а) набор моделей предложений, получаемых ребенком из окружающей среды, является конечным, однако, полученные знания позволяют ему создавать неограниченное число их реализаций;

б) ребенок слышит не предложения, а высказывания; при этом невнятная речь, полу-предложения, оговорки и прочие грамматические неправильности могут исказить структуру предложения;

в) процесс усвоения не контролируется речевым окружением, и тому есть несколько причин: взрослые, как правило, не исправляют ошибки, допущенные детьми, а если и исправляют, то дети в большинстве случаев к ним не прислушиваются.

Практический опыт свидетельствует, что дети удивительно невосприимчивы к вмешательству взрослых в их речевую деятельность. Интересно, что из всего языкового опыта, полученного детьми в результате взаимодействия с Э-средой, наиболее простыми для усвоения оказываются простые предложения. Считается, что несоответствие между первичными языковыми данными и получаемым извне опытом, обусловлено различными ограничениями когнитивного характера, такими как недостаточность концентрации внимания, индивидуальные возможности памяти и пр. Последнее позволяет утверждать, что процесс успешного усвоения языка зависит, прежде всего, от информации, которая заключается в грамматически правильных простых предложениях. Как уже отмечалось, формирование языковой компетенции происходит параллельно с процессом конструирования грамматики, который регулируется специальной системой (модулем), внутренне присущей индивиду. С одной стороны, являясь гибкой, эта система способствует усвоению грамматики любого языка, с другой, — она достаточно жестко регулирует этот процесс с учетом неполноты первичных языковых данных.

Возвращаясь к теме языковых изменений, заявленной в названии настоящей статьи, отметим, что краеугольным камнем, на котором строится генеративное объяснение изменений, возникающих в языках на разных этапах их развития, является взаимодействие группового Э-языка и И-языков. Это означает, что изменения в Э-языке служат толчком для изменений в И-языках наоборот. Иными словами, если люди получают разные речевые сигналы из непосредственно окружающей их среды, то они, возможно, сформируют новую грамматику, и, если они ее сформируют, то будут воспроизводить

иные речевые сигналы, то есть иначе говорить. В отдельных случаях, когда дети помещены в разную среду Э-языка, и тем самым получают разный, лишь незначительно отличающийся языковой опыт, появляется радикально новая грамматика. Именно тогда новые системы возникают из фрагментов отдельных языковых опытов, о чем, например, свидетельствует опыт развития креольских языков.

Последнее подтверждается разысканиями Г. Санкоффа в области этих языков, где он, в частности, объясняет механизм синтаксических изменений в языке *ток писин* (меланезийский пиджин) [11, с. 119–130]. По его данным, с начала XX в. этот язык подвергается заметной креолизации, доказательством чего служат сдвиги на двух участках грамматической подсистемы ток писин: аспектуально-темпоральный и синтаксической. Как утверждает Г. Санкофф, появление оператора будущего времени *bai* (<англ. *by and by*) и маркера релятивной связи *ia* приходится на последние десятилетия. В предшествующий период истории существования этого языка реализация соответствующих грамматических значений происходила с участием просодических средств или выводилась из контекста. Оформление относительного предложения маркером *ia* объясняется трансформацией релятивизации, осуществляемой по элементарным правилам фразовых структур, а именно: $S \rightarrow NP-VP$; $NP \rightarrow N(S)$; $Trel: NP1-[X-NP1-Y]$.

Несмотря на кардинальное отличие в интерпретации языка у Соссюра и Хомского, в генеративной теории принято объяснять изменения в языках как явление, свойственное соответствующим социальным группам. Внешние Э-языки, например, английский или немецкий, несмотря на существующие между ними отличия, представляют собой результат развития первоначальных грамматик, их многообразное использование в речи, а также изменения, вносимые социальной практикой в грамматику конкретного языка. Традиционная лингвистика, как правило, изучает эволюцию Э-языков в пространственной и временной перспективе, как совокупность изменений, постепенно распространяющихся от группы к группе, от одной пространственной точки к другой. (3; 4; 5). Здесь следует отметить, что Э-язык, являясь в действительности аморфным, неустойчивым, находится в постоянном движении, и потому вряд ли можно найти двух людей, обладающих одинаковым начальным опытом.

Опыт работы в историческом языкознании свидетельствует о том, что авторы наиболее известных теорий опираются на данные грамматик до и после тех изменений, которые они претерпели. «Черный ящик» промежуточных звеньев в общей цепи языкового изменения скрыт от наблюдателя, и даже самая строгая

реконструкция является всего лишь гипотетической версией субъективного исследователя [1]. Постулируя универсальные принципы формирования грамматик, общие для представителей всех этносов, генеративисты предлагают совершенно иное видение причин и характера изменений. Это включает интерпретацию природы И-языков, их формирования в среде Э-языка, а также радикальных изменений в Э-языке, влекущих за собой появление новых грамматик. Включение И-языка в поиск ответов на вопросы о причинах и характере языковых изменений, несомненно, открывает новые перспективы в этой области лингвистического знания, с одной стороны, и требует командных усилий лингвистов, нейрофизиологов, психологов и других специалистов-антропологов — с другой.

Отметим, что генеративный подход к объяснению масштабных сдвигов в языке постулирует неизбежность изменений индивидуальных грамматик во времени: У детей, живших в Лондоне в XIII и XV вв., сформировались разные грамматики. Очевидно, что в XIX в. дети Амстердама вырабатывали свой особый тип грамматик, который отличается от грамматик детей современного Йоханнесбурга (носителей языка африкаанс), несмотря на его, африкаанс, родство с нидерландским языком XIX в. [9, с. 88]. Эти социальные группы говорят на разных языках и используют разные грамматические структуры. В этой связи возникает вопрос предпосылок возникновения новой грамматики у носителей африкаанс. Считается, что реграмматизация, то есть возникновение новой грамматики ребенка предусматривает существенно иные первичные данные этого ребенка и воздействие на него существенно иного Э-языка. Задача исследователя заключается в том, чтобы выяснить, какие сдвиги произошли в грамматиках и как изменился соответствующий опыт ребенка, предшествующий изменениям в Э-грамматиках.

Как правило, языковая среда ребенка многообразна и в процессе формирования своей компетенции он получает разную языковую информацию, усваивает речевые единицы, которые по-разному могут преломлять базовые структуры УГ. Это происходит просто потому, что окружающая его речь определенным образом изменилась. Языковой опыт детей (И-язык их окружения и их первичные языковые данные) постоянно варьируется; иногда небольшие сдвиги оказываются настолько существенными, что вызывают радикальные структурные изменения в грамматиках. Последнее непосредственно связано с изменениями в общественной практике; исследователь находит подтверждение этому в письменных текстах, фиксируя их и объясняя сообразно принятым канонам. Изменение грамматики, влекущее за собой появление новых грамматических

структур в Э-языке, отличается от изменений в И-языке. Если грамматики по своей природе абстрактны, то изменяются они только изредка, иногда кардинально трансформируя структуру существующих конструкций. Изменение грамматики часто носит неровный, взрывной характер, что выражается в реграмматизации, то есть в одновременном симультанном изменении некоторого числа грамматических явлений. Новые И-языки, новые грамматики демонстрируют в таком случае отдельный тип изменений, являются реакцией на случайные факторы в использовании языка. Историкам предстоит различать изменения в И-языках и Э-языках, что само по себе является сложной задачей.

Необходимым условием возникновения новой грамматики является наличие другого набора первичных языковых данных [9, с. 90–91]. Рассмотрим этот тезис на примере английских глаголов.

Английские *can, could, may, might, will, would, shall, should, must* отличаются от стандартных глаголов своей дистрибуцией: (1) вспомогательный модальный глагол не употребляется после маркеров совершенного вида; (2) не образует причастие настоящего времени, подобно глаголу; (3) модальный глагол не употребляется ни в функции инфинитивного компонента другого глагола; (4) ни в функции компонента другого модального глагола, подобно глаголу *try*; (5) модальный глагол не может открывать позицию прямого объекта, подобно другим полноценным глаголам.

- (1) a. He has could understand Chapter 4.
b. He has understood Chapter 4.
- (2) a. Canning understand Chapter 4.
b. Understanding Chapter 4.
- (3) a. He wanted to can understand.
b. He wanted to understand.
- (4) a. He will can understand.
b. He will try to understand.
- (5) a. He can music.
b. He understands music.

Предложения 1–5а характерны для ранних стадий развития английского языка. Выделение *can, may, shall, must* в отдельный класс вспомогательных модальных глаголов происходит лишь в конце XV в. как результат радикальной реинтерпретации, когда:

- 1) они теряют свойства знаменательных глаголов, в частности, способностью открывать позицию прямого дополнения;
- 2) происходит полная элиминация претерита-презентных глаголов как отдельного морфологического класса, за исключением, этимонов современных модальных глаголов (англ. *premodals*);
- 3) изменяется порядок слов, в соответствии с которым позиция модальных глаголов получает

фиксацию, характерную для современного предложения (SvVO), то есть перед полноценным глаголом;

4) усиливается семантическая оппозиция *shall / should, will / would, may / might, can / could*;

5) в английском языке закрепляется инфинитив с частицей *to* [6, с. 109].

С учетом выше изложенного возникает ряд допущений, предлагаемых для обсуждения:

Допущение 1. Если древне- и современный английский язык отличаются определенным набором категориальных признаков при отсутствии объединяющего, следует предположить, что те или иные признаки появляются в языке в разное время и разными путями.

Допущение 2. Если различия между древне- и современным английским языком состоит в одном единственном свойстве абстрактной когнитивной системы (И-языка), то есть категориальном признаке, то следует ожидать совершенно иную траекторию изменений. Такой сдвиг в системе сопровождается одновременным появлением целого ряда новых явлений. Если различия между *can* и *understand* заключаются в том, что *understand* — это глагол, а *can* является членом другой категории, тогда вполне уместным оказывается и то, что (1–5а) исчезают из языка параллельно, в одно и то же время.

Допущение 3. Единственное релевантное различие между древними и современными грамматиками: в древних грамматиках слова *can, must* и др. были полноценными глаголами, а в современных они принадлежат к другой категории слов. Такой тип групповых изменений типичен для изменений в И-языках, того многообразия явлений, которые репрезентируют одно

категориальное отличие в абстрактной системе И-языка.

Таким образом, изменения, вызывающие утрату или устаревание форм, следует объяснять как следствие определенных изменений в абстрактной когнитивной системе. Это методологическое положение является определяющим.

Учитывая вышеизложенное, изучение изменений в грамматиках непосредственно связано с проблемой их вариативности и развития на ранних этапах усвоения языка. Возникновение новых грамматик и их объяснение проливает свет на механизмы активации первичного опыта детей и дальнейшего расширения их языковой компетенции. Результаты исследований такого плана имеют непосредственный выход в методiku преподавания и теорию усвоения иностранных языков.

В отличие от традиционной исторической лингвистики, внимание которой сосредоточено на механизмах развития Э-языков, генеративная лингвистика предлагает подход, (1) включающий И-язык как объект исследования, и (2) постулирующий универсальные принципы формирования грамматики, свойственные всем индивидам. Круг проблем охватывает объяснение природы И-языков, пути овладения ними в лингвальном поле Э-языка, причины и механизмы радикальных изменений в Э-языке, ведущие к появлению новых грамматик.

Из всего этого следует, что концепция И-языка и возникновение новых грамматик тесно связаны между собой. Если сосредоточить внимание не только на продуктах языковой системы, но и на системе, не только на Э-языке, но и И-языке, появится возможность объяснить появление новых грамматик в контексте процесса усвоения языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буніятова І.Р. Еволюція гіпотаксису в германських мовах IV–XIII ст. : [монографія] / І.Р. Буніятова. — К. : Видавничий центр КНЛУ, 2004. — 327.
2. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind / N. Chomsky. — Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 2000. — 230 p.
3. Denison D. "Slow, Slow, Quick, Quick, Slow: the Dance of Language Change?" / D. Denison // SELIM Studies in Medieval English Language. — Vigo : Universidade de Vigo. — 1999. — P. 51–64.
4. Harris A. Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective / A. Harris, L. Campbell. — Cambridge : Univ. Press, 1995. — 488 p.
5. Lass R. Historical Linguistics and Language Change / R. Lass. — Cambridge : Univ. Press, 1997. — 423 p.
6. Lightfoot D. Principles of Diachronic Syntax / D. Lightfoot. — Cambridge; L. : Cambridge University Press, 1979. — 429 p.
7. Lightfoot D. The Development of Language. Acquisition, Change, and Evolution / D. Lightfoot. — Oxford : Blackwell Publishers. — 1999. — 287 p.
8. Lightfoot D. The Development of Language. Acquisition, Change, and Evolution / D. Lightfoot. — Oxford : Blackwell Publishers. — 1999. — 289 p.
9. Lightfoot D. How New Languages Emerge / D. Lightfoot. — Cambridge : Univ Press, 2006. — 199 p.
10. Pinker S. The Language Instinct / S. Pinker. — N.Y. : Perennial Classics, 2000. — 660 p.
11. Sankoff G. Creolization and Syntactic Change in New Guinea Tok Pisin / G. Sankoff // Sociocultural Dimensions of Language Change / [B.G. Blount and M. Sanches eds.]. — N.Y. : Academic Press, 1977. — P. 119–130.